

УДК 94(410).06

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-647-656

**ИДЕЯ ВЕРОТЕРПИМОСТИ ДЖОЗЕФА АДДИСОНА
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»)****THE JOSEPH ADDISON'S IDEA OF RELIGIOUS TOLERANCE
(BASED ON MATERIALS OF MAGAZINE «THE SPECTATOR»)****Я.С. Кучин
Y.S. Kuchin**Ивановский государственный университет,
Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37Ivanovo State University,
37 Ermak St, Ivanovo, 153025, Russia

E-mail: kuchinyakov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена идеям веротерпимости Джозефа Аддисона, известного английского публициста начала XVIII столетия. Автор приходит к выводу, что концепция веротерпимости Аддисона неоднородна, она состоит из двух отдельных программ. В отношении населения Англии и различных направлений протестантизма Аддисон провозглашал принцип свободы совести. Он отрицательно писал о гонениях на диссентеров, призывал верующих Англии очиститься от фанатизма и суеверий. Аддисон становился другим, когда говорил об иных нехристианских религиях. Он не воспринимал их как религиозные доктрины, видел в них лишь основу для критики, философских размышлений или шуток. Атеизм, совсем не вписывающийся в его мировоззрение, Аддисон открыто отрицал, считая его глупой и порочной практикой. Все описания нехристианских культов объединяет одно: превозношение христианства над всеми иными вероучениями, признание учение Христа наилучшим источником красоты и вдохновения в мире.

Abstract

The article is devoted to ideas of toleration of Joseph Addison, a famous English journalist of the early XVIIIth century. The author comes to conclusion that the concept of Addison's religious tolerance is heterogeneous, it consists of two separate programs. With regard to the population of England and the various directions of Protestantism, Addison proclaimed the freedom of conscience. He negatively wrote about the persecution of dissenters, urged the believers in England to be cleansed of fanaticism and superstition. Publicist sincerely believed that the Christian doctrine was too beautiful that apply violence to his truths, that any contradictions can be resolved by peaceful methods based on morality and a reasonable approach. Addison became different when he talked about other non-christian religions. He did not perceive them as religious doctrines; he saw in them only a basis for criticism, philosophical reflections or jokes. Atheism, completely inconsistent with his worldview, Addison openly denied, considering it a stupid and vicious practice. All descriptions of non-Christian cults are united in one thing: the exaltation of Christianity over all other creeds, the recognition of the teachings of Christ as the best source of beauty and inspiration in the World.

Ключевые слова: английская публицистика Нового времени, атеизм, Джозеф Аддисон, проблемы религиозной веротерпимости, протестантизм.

Keywords: English journalism of the Modern Era, atheism, Joseph Addison, problems of the religious tolerance, Protestantism.

Английская революция была переломным моментом в европейской истории, она открыла ворота новой эпохе – Просвещению. Страна, где произошло данное событие, первой ощутила влияние изменений. На фоне формирования и развития парламентаризма, роста экономических и внешних связей, регулирования религиозной жизни очерчивались первые принципы новой Англии: законы вежливости, правила хорошего тона и политической этики, идеи просвещения и веротерпимости.

Десятилетия, приходящиеся на стык XVII и XVIII столетий, по праву можно называть временем массового распространения идеи веротерпимости в умах образованных англичан. Конечно, религиозные противоречия не спешили отступить в прошлое: все еще бурлили раздоры между протестантами и католиками, официальной государственной церковью и диссентерами. Однако английское общество, овеянное идеями Просвещения, начало осознавать, что со старым грузом религиозной вражды не построишь новую, сплоченную державу.

Одним из первых, кто публично провозгласил значимость принципа свободы совести, был философ Джон Локк, в конце XVII столетия издавший свои знаменитые «Послания о веротерпимости». В начале нового века прозвучал яростный призыв прекратить угнетения диссентеров, исходящий из-под пера Даниэля Дефо [Кучин, 2018]. Совсем скоро идея веротерпимости утвердилась в литературе и публицистике начала XVIII века, где-то звуча робко и тихо, в иных же местах – яростно и громко. Не ускользнуло данное обсуждение и от внимания двух лондонских джентльменов – Ричарда Стила и Джозефа Аддисона. Они известны как создатели популярных просветительских журналов, в числе которых знаменитый «The Tatler» (Болтун) и интересующий нас «The Spectator» (Зритель).

«Зритель» выходил в свет с марта 1711 по декабрь 1712 г.; на момент своего окончательного закрытия издание насчитывало 636 выпусков. Они выходили практически ежедневно, каждый являл собой небольшой листок, где печаталось эссе на определенную тему. «Зритель» распространялся в Лондоне и его окрестностях, на пике своей популярности имея рекордный на то время тираж (ок. 30 000 экз.) [Шайтанов, 1987, с. 482]. Журнал предоставлял сведения о новых веяниях моды, театральных и литературных новинках, отдельные политические новости или просто рассказы об интересных людях. Однако основной целью своего детища соавторы видели просвещение своих соотечественников [Зритель, Вып. 1, с. 101]. Каламбуры чередовались с серьезными размышлениями о религии и политике, рассказы о чудачках – с поучениями о морали и правилах хорошего тона, легкие новости – со сложными литературными разборами. Писательский талант, умение подобрать интересную тему и грамотно изложить ее на бумаге принесли авторам «Зрителя» всеобщее признание. После окончания издания журнал выпускали в виде многотомников в течение всего XVIII века.

Костяк исследований, посвященных Аддисону и его наследию, составляют его биографии. Наиболее значимой считается работа Питера Смиттерса «Жизнь Джозефа Аддисона» [Smithers, 1954]. Как биографическое исследование, книга в первую очередь рассматривает жизнь автора, основные вехи его творчества. «Зритель» рассмотрен кратко, в виде обзорного анализа его основных тематических направлений. Исследования подобного обобщающего порядка являются вступительные статьи в сборниках публикаций эссе Аддисона [Green, 2010]. Наиболее интересной из них можно назвать работу Дональда Ньюмана, [Newman, 2005], не только содержащую краткий экскурс по истории создания «Зрителя», но и относительно подробный анализ отдельных тематических составляющих журнала.

Как значимый литературный источник, «Зритель» изучается филологами. Он упоминается в большинстве крупных изданий по развитию культуры Англии, ему посвящают и отдельные труды. Примером такой работы является сочинение Зелмы Тернер «Анализ стиля Аддисона и Стила в записях «Зрителя» [Turner, 1949]. В работе рассматриваются такие аспекты, как особенности письма авторов, детали их литературной выразительности, связь их подходов с иными периодическими изданиями того времени. Основным достоинством работы является подробный анализ личностей двух основных авторов «Зрителя».

В связи с огромной содержательностью «Зрителя», изучению его отдельных проблем посвящено множество статей. Эти сочинения изучают вопросы политики [Brittan, 2012; Klein, 2005], социальной жизни, гендерных отношений [Carrigy, 2015] и ряд иных положений. Ярким собранием подобных трудов является сборник статей «Зритель: новые дискуссии» [The Spectator: Emerging Discourses, 2005]. В книге поднимаются темы литературного наследия «Зрителя», анализа художественных подходов авторов, изучения образов женщины, ребенка, нации, народов Америки.

В отечественной историографии наследие Аддисона вызывало интерес нечасто. Первую попытку ещё в начале XX в. осуществил В.Ф. Лазурский, коснувшись нравственных аспектов в журнале «Зритель» в своем двухтомнике по истории английской журналистики [Лазурский, 1916]. Работа носит обзорный характер, уделяя внимание лишь общим вопросам. В советское время был написан схожий труд под авторством В.Д. Рака «Сатирико-нравоучительные журналы Аддисона и Стила и литературная полемика их времени» [Рак, 1967]. Автор дает достаточно содержательный обзор «Зрителя», говорит об особенностях и содержании издания, большое значение уделяя месту журнала в контексте общества XVIII столетия.

Интересным сочинением представляется вводная статья И.О. Шайтанова для сборника «Англия в памфлете» [Шайтанов, 1987]. Труд посвящен в первую очередь раскрытию послереволюционной эпохи, описанию ключевых явлений того времени, контексту мыслительного и литературного развития памфлетной культуры. «Зритель» здесь является лишь элементом единого целого, глобального процесса памфлетного бума в Англии начала XVIII века, что позволяет автору наглядно показать место и роль журнала в реалиях того времени.

Для нас журнал «Зритель» интересен тем, что в нем отражена религиозная жизнь Англии начала XVIII века, и, в частности, одно из новых явлений того времени – популяризация и общественное обоснование принципа свободы совести. Также стоит заметить, что мы ограничили объект изучения одним автором, взяв за основу лишь те материалы «Зрителя», что вышли из-за пера Джозефа Аддисона. Выбор в пользу Аддисона обусловлен в первую очередь его ведущей ролью в создании журнала, а также в его большем, чем у Стила, интересе к религиозным вопросам.

Джозеф Аддисон был очень набожным человеком, религия для него являлась важной частью человеческого бытия и одной из основ полноценного, здорового общества. Опорой для себя и своей страны он считал христианское учение и, в частности, англиканство. Идея сильной нации и крепкой государственной религии часто всплывает в его рассуждениях о политических или общественных проблемах своей родины [The Spectator, no. 287, p. 858].

Религиозность публициста подтверждают его многочисленные эссе-проповеди, раскрывающие видение Аддисоном христианства, его сути и красоты. Стараясь достучаться до чувств читателя, автор подбирал яркие, чувственные образы, касался многих сокровенных для верующих вопросов. Он не переходил границ фанатизма, излагая свои мысли мягко и сдержанно. Лишь несколько раз, видимо, излишне вдохновленный своей верой, Аддисон указывает, что считает христианство совершенной религией [The Spectator, no. 186, p. 242; no. 574, p. 676]. «...Я думаю, – роняет публицист в эссе о добродетели, – что нет более такого религиозного учения, помимо христианского, что могло бы поддержать добродетель в личности...» [The Spectator, no. 513, p. 608].

Неся возвышенные идеи, автор «Зрителя» не терял связи с реальностью. Осуществляя свою просветительскую миссию, он постоянно указывал на недостатки в вере своих соотечественников, отмечал пути, с помощью которых этих огрехов можно избежать. Под видом беззлобной сатиры Аддисон порицал пренебрежение прихожан к проповедям: «Когда я вошел в один из этих святых Домов, я не смог увидеть никаких проявлений преданности в их [прихожан] поведении: вместо того, чтобы поклоняться Божеству, большинство из них ругались друг с другом, значительное число крепко спали [...]» [The Spectator,

по. 50, р. 91]. Аддисон корил и излишнюю вольность поведения людей в церкви: «...Пение псалмов в иной манере, отличной от манеры прочей части конгрегации, является своего рода расколом...» [The Spectator, no. 205, р. 264].

Ярким примером единения паствы является описание прихода, обустроенного одним из вымышленных персонажей «Зрителя», старомодным сквайром Роджером де Коверли. Публицист предоставляет читателю образ деревенской общины, где согласие и порядок во многом держатся на авторитете крупного земледельца, контролирующего своих подопечных и дружного с местным капелланом: «Поскольку сэра Роджер является арендодателем для всей Конгрегации, он поддерживает их [прихожан] в очень большом порядке и не терпит [в церкви] никакого спящего человека, кроме себя самого; если он видит, кто-то из людей задремал, либо будит их сам, либо посылает к ним своего слугу. [...] Когда проповедь закончена, никто не может пошевелиться, пока сэра Роджер не покинет Церковь. Рыцарь спускается со своего места, идет мимо его арендаторов, которые стоят и кланяются ему с каждой стороны; время от времени он осведомляется, что делают такие-то жена, мать, сын или отец, которых он не видит в церкви; это понимается как скрытый выговор отсутствующему. [...] Сердечное взаимопонимание между сэром Роджером и его капелланом, их взаимное согласие делать добро является замечательным» [The Spectator, no. 112, р. 160].

Историографическая традиция признает данный фрагмент беззлобной сатирой, насмешкой прогрессивного горожанина Аддисона над устаревшими устоями сельских жителей и сторонников идеологии тори [Brittan, 2012]. Автор действительно смеялся над мелочами, но он абсолютно серьезен в общем контексте, признавая, что даже такой устаревший порядок много лучше раздоров среди верующих. Он подчеркивает эту мысль образом иного сельского прихода. Здесь сквайр и священнослужитель находятся в состоянии войны, паства разобщена, в ней процветают фанатизм и безверие. Аддисон справедливо замечает, что противоборство влиятельных сил (будь то религиозные или светские представители) губительно для простых людей, оно мешает им постигать истину [The Spectator, no. 112, р. 160].

Аддисона раздражали попытки кого-либо превратить религию в инструмент для продвижения своих корыстных целей. Он называет подобные действия «адскими сношениями», замечая, что следует искать причины для продвижения веры, а не использовать веру, чтобы продвигать свои дела [The Spectator, no. 243, р. 304]. Мысль о недопустимости использования религии в корыстных целях встречается и в других эссе «Зрителя». Более того, эта мысль дополняется тезисом, что вера не должна опираться на насилие и принуждение, она должна быть добровольным выбором. «Мне нравятся люди, ревностные в добром деле, – писал Аддисон, – особенно если их рвение способствует исправлению нравов и счастья человечества. Но когда рвению служат пыткой и дыбой, тюрьмой и галерами, [...] я осмелюсь сказать о ревнителе (каких бы мнений он сам ни держался), что пыл его тщетен, вера – бесплодна» [Зритель. Вып. 185, с. 173–174].

Аддисон прекрасно осознавал, что английская действительность давно погрязла в проблеме, куда губительнее простого несоблюдения общепринятых правил. Говоря о повсеместной нетерпимости в стране, автор с прискорбием замечал, что многие люди охвачены слепой ненавистью, стремлением заставить других признать то, во что те не верят. «Мы отрезаем их (диссентеров) от удовольствий и преимуществ общества, увечим их тела, рушим их судьбы, наносим ущерб их репутации, разрушаем их семьи, делаем их жизнь болезненной или вовсе ее прекращаем», – описывал публицист печальные реалии своей эпохи [The Spectator, no. 459, р. 550]. Аддисон замечал, что подобная практика крайне спорна: ее использование должно быть тщательно обдумано, должны быть предусмотрены все неблагоприятные последствия. И если такие есть, то любые аргументы, на которые опираются гонители, должны быть признаны ошибочными [Ibid, р. 550]. При этом автор «Зрителя» действительно следовал данному принципу: на просьбу одного из своих корреспондентов прокомментировать проблему различия церковных одеяний Аддисон ответил

коротко и предельно серьезно: «Я решил не поднимать враждебность среди духовенства» [The Spectator, no. 619, p. 718].

Автор «Зрителя» приходил к выводу, что мир и благополучие в религиозной сфере Англии покоятся на двух основах: сильной, праведной вере и принципе веротерпимости. Об этом говорится уже в 3 выпуске, где Аддисон представил читателям сон-аллюзию на типичные явления английского общества, сначала демонстрируя парад порочных явлений, а после – явлений благотворных и ведущих к процветанию. Положительным Аддисон считал тандем «вера и веротерпимость», а отрицательными – их антагонизмы, неверие и фанатизм [Зритель. Вып. 3, с. 107–110].

Фанатизм считался автором явлением порочным, являющимся источником большинства кровопролитий и бед в мировой истории. Губительность фанатизма столь волновала публициста, что его осуждению он посвятил весь 185 выпуск. «В чем не обманываем мы себя так часто, как в том, что зовется праведным рвением, – начинает свою речь Аддисон. – Под именем этим скрывается столько страстей, и оно порождает столько много вреда, что большинство людей желало бы, чтобы упомянутое свойство не входило в число добродетелей. Один раз на сто оно похвально и здраво, девяносто девять – неразумно и губительно; и чему удивляться, коли рвение это с одинаковым пылом проявляется в каждой религии, хотя они несхожи...» [Зритель. Вып. 185, с. 172].

Автор «Зрителя» справедливо указывал, что сама суть фанатизма нерациональна. Она основана на подчеркивании различий между людьми и религиями, отрицании любых возможностей найти пути компромисса. Часто фанатизм является следствием банального невежества или излишнего тщеславия, но бывает и так, что его распространяют намеренно. «...Пуще всех насаждают огнем и мечом правую веру те, кому это выгодно, – замечал Аддисон. – Слово «выгода» я употребляю в широком значении и применяю не только к мирским, но и к духовным благам. Человек стремится обрести побольше приверженцев. Новообращенный – как бы новый довод в пользу веры» [Там же, с. 173].

Примером религий обществ, погрязших в бессмысленных, фанатичных суждениях, Аддисон считал католицизм и иудаизм. В первую очередь, критике подвергались многочисленные обряды, их помпезность и показной церемониал. Многочисленность и сложность ритуалов, по словам Аддисона, делают религию более обременительной, порождают беспорядок в душе, излишком материальных действий мешая работе над совершенствованием души [The Spectator, no. 213, p. 272].

Имеется в публикациях «Зрителя» и более интересный образ пагубности фанатизма, представленный уже не в виде осуждения норм иного верования, а в попытке показать, как вспышка фанатизма в обществе может исказить веру и поведение обывателей. Говоря о скромности английского народа, Аддисон заметил, что его соотечественники склонны и «скромности в религиозных делах». Выражается это в нежелании открыто показывать свои возвышенные чувства к Богу, публично совершать религиозные ритуалы. В подобной особенности религиозного поведения англичан Аддисон винил Реформацию, а вернее, те колоссальные «рои различных фанатиков или лицемеров», что проявили себя под ее лозунгами. Это напугало людей, что впоследствии привело их в иную крайность, когда всякое проявление набожности считалось пуританским и становилось предметом насмешек. «Таким образом, – заключил свои суждения Аддисон, – мы постепенно впадаем в ту злобную скромность, которая в какой-то мере стерла из нас видимость христианства в обыденной жизни и разговоре» [The Spectator, no. 458, p. 649].

Близким к фанатизму, вредным явлением Аддисон считал суеверия, называл их «распространенными ошибками», являющимися прямым следствием человеческого невежества и легковерного воображения. В процессе всеобщего просвещения их следовало искоренить, ибо суеверия порождают путаницу в умах людей, мешая им познавать истину в религии и нравственности [The Spectator, no. 505, p. 599]. Заметил Аддисон и более насущную проблему, порожденную верой в суеверия и связанную с так называемой «охотой на ведьм» в сельской местности. Когда какой-либо человек становится странным в

болезни или старости, селяне нередко отворачиваются от него, называя ведьмой или колдуном. Аддисона сильно расстраивало, что вместо истинно христианской поддержки больным и старым люди озлобляются, своими поступками портя чужое существование [The Spectator, no. 107, p. 166].

Крайне интересным в своей неоднозначности представляется отношение Аддисона к явлению атеизма. Об этом проявлении человеческой мысли автор «Зрителя» говорил много, часто сравнивая его с уже рассмотренным фанатизмом. При этом неверие подается в положительном ключе, но не как что-то правильное, а скорее, как меньшее зло: «...Неверность не такая злая природа, как безнравственность; [...] как правило, спасение возможно для добродетельного неверного, но для порочного верующего невозможно» [The Spectator, no. 459, p. 550]. О возможности сосуществования атеистов и неверующих в относительной гармонии говорит и отрывок 186 выпуска, отсылающий нас к учениям Античности. «Эпикурейцы и философы-атомисты продемонстрировали замечательную скромность в этом случае, – писал публицист, – ибо хотя бытие Бога было полностью отвратительным для представлений их философии, они довольствовались отрицанием лишь Провидения, в то же время утверждая существование богов вообще; ибо они не собирались нарушать ни общее вероисповедание человечества, ни религию их страны» [The Spectator, no. 186, p. 243].

Исходя из данных отрывков, Аддисон видится довольно терпимым человеком: он не оправдывал атеистов, но признавал возможность их существования в обществе и даже их право на посмертное спасение (если эти люди не нарушали норм морали). Однако данное представление полностью разрушается иными размышлениями Аддисона, где атеисты представляются исключительно в негативном ключе.

Да, Аддисон безусловно был прав, когда порицал ту часть неверующих, что яростно навязывает свою точку зрения каждому встречному [Зритель. Вып. 185, с. 174–175]. Подобные люди, часто называемые в нашей стране «воинствующими атеистами», мало чем отличаются от иных фанатиков. Их порицание имеет под собой основание, поскольку своим рвением они вредят религиозному согласию. Однако критика Аддисона не задерживалась лишь на этой воинствующей группе, обрушиваясь на всех неверующих вообще.

«Должен признаться, я не знаю, как доверять Человеку, который не верит ни Небесам, ни Аду, ни будущему государству Воздаяний и Наказаний» – писал публицист в начале все того же 186 выпуска [The Spectator, no. 186, p. 242]. Но он не только отказывал в доверии людям, основываясь на одной лишь разнице религиозных воззрений, далее он осыпал приверженцев атеизма многочисленными, совершенно несправедливыми упреками. Он называл их глупыми и непонимающими, считал, что любое неверие проистекает исключительно из невежества и высокомерия, печали и страха. Верующего Аддисон превознес над любым атеистом, считая его правым по умолчанию: «Верующий может быть извинен самым ожесточенным атеистом за попытку обратить его воззрения, ибо делает он это с учетом пользы для обоих. Атеист непростителен как тот, кто пытается убедить верующего, при этом не предлагая делать то, во что верит сам или верит приверженец любой доброй концессии» [Ibid, p. 242].

Слова Аддисона нельзя извинить даже реалиями его времени, когда атеистические взгляды считались чем-то неправильным. Публицист показывал не столь непонимание или неодобрение, сколь обычную агрессию и неприкрытый фанатизм. Неприятно видеть, что автор, в иных выпусках журнала критиковавший религиозное рвение, сам предстает в ипостаси слепца-фанатика. Вместо того, чтобы попытаться найти компромисс между адептами атеизма и веры, он отделил первых от вторых, возвысил себя самого над всеми неверующими. Основываясь лишь на различиях в мировосприятии, журналист приравнял большую группу людей (лично не сделавших ему ничего плохого) к умалишенным, на бумаге лишая их права не только жить в гармонии с народом Англии, но и вообще жить в добром юморе и истинном наслаждении [The Spectator, no. 381, p. 468].

Похожая неоднозначная позиция присутствовала у Аддисона в отношении к иным, нехристианским религиям. Журналист признавал общность лежащих в основе многих верований принципов естественной нравственности, но при этом очерчивал границы между «цивилизованными», «полноценными» религиями и «безнравственными», дикими обрядами. «Религию можно рассматривать под двумя главами [...], – писал публицист. – Первую я выделю под именем Веры, вторую – под именем Морали. Все цивилизованные народы Мира настолько же согласны в великих пунктах Морали, насколько они различны в правилах Веры» [The Spectator, no. 459, p. 549]. Из всей массы верований Аддисон особо выделял христианство, считая свою религию наиболее совершенной. Однако автор «Зрителя» не призывал соотечественников ненавидеть и призирать верования иноземцев, но не просил он и уважения. Вместо этого в его записях в лучшем случае присутствовала заинтересованность новым и необычным, в худшем – насмешка над странным или нелепым.

Наиболее тепло Аддисон относился к мусульманству. Публицист четко очертил грань между христианством и учением Магомета, прекрасно понимая их исторический антагонизм [Фригольдер. Вып. 53, с. 93]. Но при этом о мусульманстве он говорил спокойно, с некоторой толикой уважения, ссылаясь на священные писания данной веры [The Spectator, no. 94, p. 142; no. 619, p. 728–729]. Более того, одно из своих любимейших мест Лондона, Вестминстерское аббатство, Аддисон сравнил с «Магометанским раем», констатируя спокойную красоту обоих этих мест [The Spectator, no. 383, p. 470]. Возможно, столь лояльное отношение журналиста обусловлено родством и схожестью исламской и христианской религий, а также его интересом к мудрости жителей Востока.

Иудаизм (как и католицизм) в «Зрителе», главным образом, выступает как объект критики, пример «искаженного» христианства. Признавая святость и значение для христианского учения ветхозаветных мудрецов [The Spectator, no. 453, p. 543], к современному иудаизму публицист относился прохладно. Он считал обряды иудеев путанными, а их образ Верховного божества – «бессмысленным величием», даже близко не приближенным к истинному христианскому видению [The Spectator, no. 213, p. 272; no. 610, p. 709–710].

Язычество (при большой любви к языческой культуре) Аддисон считал порочным, отмечая, что большинство ритуалов древних народов носили злонамеренный характер и не несли в себе ничего возвышенного [The Spectator, no. 213, p. 272]. Куда больший интерес журналист проявлял к античной философии. Он отмечал, что многие из древних мудрецов отличались моральными качествами, а их суждения о мироздании во многом приближались к видению христианской доктрины. Но даже их Аддисон не считал равными христианам, замечая, что «христианская идея Высшего существа бесконечно более велика и благородна, чем та, что могла бы войти в сердце язычника» [The Spectator, no. 453, p. 543].

Совсем пренебрежительное отношение досталось верованиям неевропейских народов. Упоминания о необычном видении мира некоторыми африканцами используется исключительно как крючок для начала рассуждения о концепции христианского Рая [The Spectator, no. 600, p. 699–701]. Описание представлений индейцев о загробном мире представлены как интересная легенда [The Spectator, no. 56, p. 98–99], но даже ее, как справедливо заметил Брассиан Кэрри [Brycchan, 2005, p. 146–147], Аддисон искажил, внося в установки чужой религии привычные ему образы христианских воздаяния и греха. В частности, от лица героя-индейца он упоминает «несколько морей расплавленного золота, в которых были погружены души варварских европейцев, которые ради данного драгоценного металла насадили на меч многие тысячи несчастных индейцев» [The Spectator, no. 56, p. 98–99]. Аддисон здесь не заботится об аутентичной передаче чуждого мировоззрения, ему важнее донести до читателя поучительную мораль. Наиболее ярко пренебрежение Аддисона раскрывается в его представлении о буддистской концепции переселения душ. Он использует это древнее учение никак иначе, как основу для обширного каламбура в анекдоте про госпожу и ее ручную обезьянку, которая когда-то была человеком [The Spectator, no. 343, p. 424–425].

Надо ли говорить, что Аддисон совершенно не понимал истинное значение этих трех культов. Для него они были всего лишь интересными историями, он не видел в них ничего сакрального, священного. Публицист не задумывался, что основой его занятых рассуждений являются полноценные религиозные учения, для определенных людских сообществ являющиеся сокровенными.

Что же в итоге можно сказать о концепции веротерпимости, представленной Джозефом Аддисоном на страницах «Зрителя»? Во взглядах журналиста наблюдается явная двойственность, «расщепление» идеи веротерпимости на две отдельные системы правил, каждая из которых имеет свою направленность. В отношении Англии, в рассуждениях о взаимоотношениях различных протестантских общин Аддисон всячески придерживался принципа свободы совести, провозглашая его практически повсеместно. Он с ненавистью писал о гонениях на диссентеров, призывал всех верующих очистить свое сердца от фанатизма, умы – от суеверий. Он искренне верил, что христианское учение слишком прекрасно, чтобы прилагать к его истинам насилие; любые противоречия решаемы мирными методами, основанными на нравственности и разумном подходе.

Покидая границы своего видения христианина, вступая в дебри иных догматов, Аддисон становится иным, его приверженность идеи веротерпимости резко спадает на нет. В его словах по-прежнему нет ненависти, нет призыва презирать и уничтожать. Но нет и желания понимать и уважать. Аддисон с неподдельным интересом читает нехристианские священные тексты и легенды, но его отношение строится исключительно на его субъективном понимании. Отдельные культы он отстраненно изучает, восхищаясь отдельными вложенными в них мыслями или критикуя их «недостатки». Иные он воспринимает как занимательные истории или предмет для шутки. Атеизм, совсем не вписывающийся в его мировоззрение, Аддисон открыто отрицает, считая его глупой и порочной практикой. Но все его описания объединяет одно: превознесение христианства над всеми иными верованиями, признание учение Христа если не высшей основой морали, то наилучшим источником красоты и возвышенного вдохновения.

Однако не стоит называть Джозефа Аддисона нетерпимым человеком. В его взгляде отражались реалии действительности, взгляды людей новой, послереволюционной Англии. Аддисон действительно верил и ценил принцип веротерпимости, понимал его необходимость, осознавал, что эта идея несет будущее, где не будет религиозных раздоров и войн. Но только в контексте Англии! Как и большинство его соотечественников, он обращал взор на свою Родину, лелея мечты о просвещении английского народа, укреплении ее единства и увеличении могущества. Остальной мир для него оставался интересным, но чуждым местом. По отношению к миру «за границей» Аддисон оставался сторонним «Зрителем», он не был готов шагнуть вперед, увидеть, что реальность многограннее интересов одного государства и одной веры.

Список литературы

1. Аддисон Дж. 1 марта 1711 г. Зритель. Вып. 1. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. Ред. И.О. Шайтанов. М., Прогресс, 97–102.
2. Аддисон Дж. 3 марта 1711 г. Зритель. Вып. 3. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. Ред. И.О. Шайтанов. М., Прогресс, 107–110.
3. Аддисон Дж. 2 Октября 1711 г. Зритель. Вып. 185. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. Ред. И.О. Шайтанов. М., Прогресс, 172–175.
4. Аддисон Дж. 2 июня 1716 г. Фригольдер. Вып. 53. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. Ред. И.О. Шайтанов. М., Прогресс, 91–94.
5. Кучин Я.С. 2018. Идеи политической и религиозной толерантности в памфлетах Д. Дефо. Британия: история, культура, образование: сборник статей международной научной конференции. Ярославль, РИО ЯГПУ: 564–572.
6. Лазурский В.Ф. 1916. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: Из истории английской журналистики XVIII в. Т. 2. Одесса, Техник, 363.

7. Рак В.Д. 1967. Сатирико-нравоучительные журналы Аддисона и Стила и литературная полемика их времени. Л., ЛГУ им. А.А. Жданова, 411.
8. Шайтанов И.О. 1987. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., Прогресс, 529.
9. Addison J. 27 April 1711. *The Spectator*, no. 50. In: Addison J. Steele R. 1856. *The Spectator*. Applegate, 91–92. Google-Books. URL: https://books.google.ru/books?id=XPkyAQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 10.03.2019).
10. Addison J. 4 May 1711. *The Spectator*, no. 56. In: Op. Cit. 98–99.
11. Addison J. 18 June 1711. *The Spectator*, no. 94. In: Op. Cit. 142–143.
12. Addison J. 14 July 1711. *The Spectator*, no. 107. In: Op. Cit. 155.
13. Addison J. 9 July 1711. *The Spectator*, no. 112. In: Op. Cit. 160.
14. Addison J. 3 October 1711. *The Spectator*, no. 186. In: Op. Cit. 242–243.
15. Addison J. 25 October 1711. *The Spectator*, no. 205. In: Op. Cit. 263–264.
16. Addison J. 3 November 1711. *The Spectator*, no. 213. In: Op. Cit. 271–273.
17. Addison J. 8 December 1711. *The Spectator*, no. 243. In: Op. Cit. 304.
18. Addison J. 29 January 1711–12. *The Spectator*, no. 287. In: Op. Cit. 353–354.
19. Addison J. 3 April 1712. *The Spectator*, no. 343. In: Op. Cit. 424–425.
20. Addison J. 17 May 1712. *The Spectator*, no. 381. In: Op. Cit. 467–468.
21. Addison J. 20 May 1712. *The Spectator*, no. 383. In: Op. Cit. 469–470.
22. Addison J. 9 August 1712. *The Spectator*, no. 453. In: Op. Cit. 543.
23. Addison J. 15 August 1712. *The Spectator*, no. 458. In: Op. Cit. 548–549.
24. Addison J. 16 August 1712. *The Spectator*, no. 459. In: Op. Cit. 549–550.
25. Addison J. 9 October 1712. *The Spectator*, no. 505. In: Op. Cit. 599–600.
26. Addison J. 18 October 1712. *The Spectator*, no. 513. In: Op. Cit. 606–607.
27. Addison J. 30 July 1714. *The Spectator*, no. 574. In: Op. Cit. 675–676.
28. Addison J. 29 September 1714. *The Spectator*, no. 600. In: Op. Cit. 699–701.
29. Addison J. 22 October 1714. *The Spectator*, no. 610. In: Op. Cit. 709–710.
30. Addison J. 12 November 1714. *The Spectator*, no. 619. In: Op. Cit. 718.
31. Addison J. 10 December 1714. *The Spectator*, no. 631. In: Op. Cit. 628–629.
32. Brittan O. 2011. Using *The Spectator* to Stereotype the Country Tory: Joseph Addison and Richard Steele's Venerable Sir Roger de Coverley Character. *Ex Historia*: 74–110.
33. Brucchan C. 2005. «Accounts of Savage Nations»: *The Spectator* and the Americas. In: *The Spectator: Emerging Discourses*. Ed. Newman D. J. University of Delaware Press: 129–149.
34. Klein L.F. 2005. Joseph Addison's whiggism. In: «Cultures of Whiggism»: New Essays on English Literature and Culture in the Long Eighteenth Century. Ed: Womersley D. University of Delaware Press: 108–126.
35. Carrigy D. 2015. Gender, Gentry, Petticoats and Propriety: Addison and Steele's Construction of the Implied Female Reader in *The Spectator*. Masters thesis. Macquarie University, 69.
36. Green J.R. 2010. Introduction. In: Addison's essay. Jesus College, University of Oxford: 5–24.
37. Newman D.J. 2005. Introduction. In: *The Spectator: Emerging Discourses*. Ed. Newman D.J. University of Delaware Press: 11–40.
38. Smithers. P. 1954. *The Life of Joseph Addison*. Oxford, Clarendon Press, 499.
39. Turner Z.I. 1949. An analysis of the styles of Addison and Steele in the «*Spectator*» papers. Masters thesis. Atlanta University, 103.

References

1. Addison Dzh. 1 marta 1711 g. Zritel' [The Spectator]. Vyp. 1. In: *Anglija v pamflete. Anglijskaja publicisticheskaja proza nachala XVII veka* [England in pamphlet. English journalistic prose of the early 18th century]. Red. I.O. Shaytanov. M., Progress, 97–102.
2. Addison Dzh. 3 marta 1711 g. Zritel' [The Spectator]. Vyp. 3. In: *Anglija v pamflete. Anglijskaja publicisticheskaja proza nachala XVII veka* [England in pamphlet. English journalistic prose of the early 18th century]. Red. I.O. Shaytanov. M., Progress, 107–110.
3. Addison Dzh. 2 Oktjabrja 1711 g. Zritel' [The Spectator]. Vyp. 185. In: *Anglija v pamflete. Anglijskaja publicisticheskaja proza nachala XVII veka* [England in pamphlet. English journalistic prose of the early 18th century]. Red. I.O. Shaytanov. M., Progress, 172–175.

4. Addison Dzh. 2 ijunja 1716 g. Frigol'der [Freeholder]. Vyp. 53. In: Anglija v pamflete. Anglijskaja publicisticheskaja proza nachala XVII veka [England in pamphlet. English journalistic prose of the early 18th century]. Red. I.O. Shaytanov. M., Progress, 91–94.

5. Kuchin Ja.S. 2018. Idei politicheskoy i religioznoj tolerantnosti v pamfletah D. Defo [The ideas of political and religious tolerance in pamphlets by D. Defoe]. Britanija: istorija, kul'tura, obrazovanie: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Britain: history, culture, education: collection of articles of an international scientific conference]. Jaroslavl', RIO JaGPU: 564–572.

6. Lazurskij V.F. 1916. Satiriko-nravouchitel'nye zhurnaly Stilja i Addisona: Iz istorii angl. zhurnalistiki XVIII v. [Satirical and moral journals of Style and Addison: From the history of English journalism of the XVIII century]. T. 2. Odessa, Tekhnik, 363.

7. Rak V.D. 1967. Satiriko-nravouchitel'nye zhurnaly Addisona i Stila i literaturnaya polemika ikh vremeni [The satirical and moral journals of Addison and Steele and the literary controversy of their time]. L., LGU im. A.A. Zhdanova, 411.

8. Shajtanov I.O. 1987. Anglija v pamflete. Anglijskaja publicisticheskaja proza nachala XVIII veka [England in pamphlet. English journalistic prose of the early 18th century]. M., Progress, 529.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Кучин Я.С. 2019. Идея веротерпимости Джозефа Аддисона (на основе материалов журнала «Зритель») Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46(4): 647–656. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-647-656

Kuchin Ya.S. 2019. The Joseph Addison's idea of religious tolerance (based on materials of magazine «The spectator»). Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 46(4): 647–656 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-647-656